

ДЕТЕКТИВ
КРАЙОНОВ
ЗА ГРАНЬЮ

— ◆ АРОН РОДОВИЧ ◆ —

— ◆ ТОМ 1 ◆ —

Арон Родович

Детектив Крайонов. За гранью

<https://litres.ru/74074136>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты можешь пережить предательство. Можешь пережить смерть близких. Можешь даже смириться с тем, что однажды оказался в чужом мире. Но что делать, если этот мир начинает смотреть на тебя в ответ? Роман Крайонов хотел лишь вернуть свою жизнь, разобраться в тайнах прошлого и защитить тех, кто ему дорог. Вместо этого он оказывается втянут в историю, где привычные законы больше не работают, за каждой дверью скрываются чужие секреты, а некоторые ответы лучше никогда не находить. Вместе со своим неизменным спутником чёрным котом Чеширом он снова идёт вперёд, потому что останавливаться уже поздно. Новый мир. Новые тайны. Новые враги. И вопрос, на который пока нет ответа: смогут ли они вообще вернуться домой? Или дом навсегда остался где-то по ту сторону грани?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Арон Родович Детектив Крайонов. За гранью

Глава 1

— Чешир! — Голос сорвался в хрип. — Женя!..

Боль выстрелила в основании черепа, и я сел рывком, схватившись за голову. Затылок ныл и тянул вниз.

Передо мной плыла серая стена, и я её не узнавал. Я не дома, не в офисе.

Я сидел на голом матрасе с полосатым узором, на железной раме, и держался за голову, пока комната переставала качаться. Секунды шли, и память возвращалась кусками, проступая, как фотография в проявителе. Роман Крайонов, двадцать один год. Барон, хотя титул за этот год пригодился мне реже, чем моя профессия. Детектив, и этим я кормился честнее, чем именем.

А вот где я и как сюда попал, память не показывала.

«Прости, но тебе так будет лучше.»

Это было последнее, что я услышал.

Чей это был голос, я не понял тогда и не понимаю сейчас. Мужской, женский — детали ускользали, память не фокуси-

ровалась.

Я спустил ноги на пол, и холод прошёл сквозь носки. Встал, качнулся, переждал, держась за раму кровати, и огляделся.

Стены голые, серые, без обоев и швов. Свет рассеивался с потолка, хотя в помещении не было ни лампы, ни окна. Дверь серая, плотная, вровень со стеной, без ручки с моей стороны, углы пустые.

Положил ладонь на матрас. Это движение стало у меня привычкой, как у других привычка тереть переносицу. Психометрия, мой дар, — снимает с предметов чужие эмоции через прикосновение: страх, злость, остаток чувства, иногда даже последние слова или мысли, если след достаточно ярок или совсем свежий. Часто стул рассказывает о человеке больше, чем сам человек, а моя способность уже не раз выводила меня из тупиков.

Матрас молчал. Я присел, прижал пальцы к полу и получил то же глухое молчание, будто приложил ладонь к стеклу, за которым пусто.

Потянулся ко второму козырю — к родовому кольцу. Дома, на территории поместья, я полностью держу контур: ощущаю людей, зверей, чужой пульс за стеной. Вне дома кольцо не работает, тянуться было незачем, но я всё равно потянулся. Если я на территории поместья — почувствую. Если нет — пойму, что меня увезли далеко. Таких комнат в поместье не было, но я обязан был проверить: при всех секретах, ко-

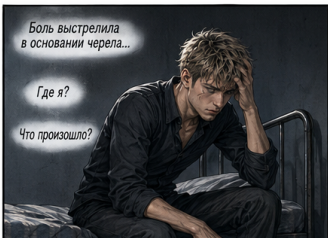
торые я уже раскопал в наследстве от отца, и тех, что ещё ждали своей очереди, такая комната меня бы не удивила.

Кольцо молчало — значит, я далеко от дома.

Я закрыл глаза, вспоминая последнее.

Садовый лабиринт чужого поместья. Чужой праздник, то ли свадьба, то ли юбилей: шары на воротах, машины рядами, музыка, сотни нарядных людей. Мы пришли туда по следу — Чешир вёл по запаху, и след был Ксюшин. Моя бывшая помощница, маг иллюзий, которая явилась ко мне ночью не в себе, наговорила страшного и исчезла, сменив лицо. Единственная живая ниточка к тому, кто хотел меня убить. Я не мог её упустить, поэтому пошёл за ней в зелёный сумрак, между стен живой изгороди. Женя отстал у входа в лабиринт — мой друг, который до последнего уговаривал меня не соваться в ловушку. Гравий шуршал под ногами. За спиной захрустело, Чешир заорал «беги», я начал оборачиваться — и здесь память оборвалась. Потом пришёл удар, и лица за ним не осталось.

Остался только голос. «Прости, но тебе так будет лучше.»

Боль выстрелила
в основании черепа...

Где я?

Что произошло?

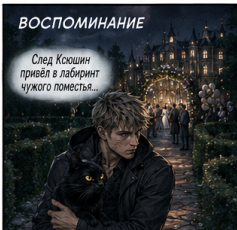
Психометрия...

Но матрас
молчал.

Кольцо
молчало тоже.

Значит,
далеко от дома.

ВОСПОМИНАНИЕ

След Ксюшин
привёл в лабиринт
чужого поместья...

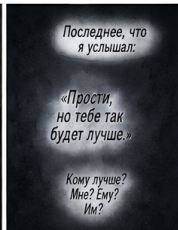

Чешир заорал
«Беги!»

Я начал
оборачиваться—

И удар.
И темнота.

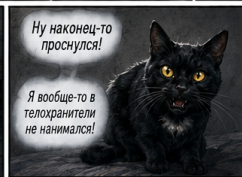
Последнее, что
я услышал:

«Прости,
но тебе так
будет лучше.»

Кому лучше?
Мне? Ему?
Им?

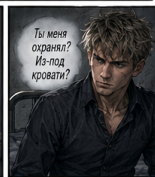

Под кроватью
зашуршало.

Ну наконец-то
проснулся!

Я вообще-то в
телохранители
не нанимался!

Ты меня
охранял?
Из-под
кровати?

Стратегическая
точка удержания
позиций.

Обзор на дверь,
противник
не видит.

Классика.

Кому — лучше? Мне? Тому, кто бил? Тем, кто вокруг?

Второе крупное похищение меня за месяц. Я не знал, что произошло с Женей, ушёл ли он своими ногами или его держат в соседней комнате, как и меня? Что произошло с Ксюшей? Она смогла спрятаться от тех, кого боялась или они поймали её?

Я повернул запястье, ещё раз посмотрел на кольцо. Перстень был на месте — тяжёлый, холодный, по-настоящему

дорогой мне. Его не сняли. Тот, кто рассчитал всё до шага, не позарился на перстень, и это значило, что перстень ему ни к чему. Нужен был я сам. От этой мысли по спине прошёл холод.

Под кроватью зашуршало.

«Ну наконец-то проснулся. А то я уже заколебался тебя охранять. Я вообще-то в телохранители к тебе не нанимался. У меня и условия контракта другие: миска, паштет и неприкосновенность.»

Мысль вошла мне прямо в голову, минуя уши, — ленивая, с той знакомой ноткой самолюбования.

Из-под рамы выбрался Чешир. Сперва показалась лапа, за ней чёрная морда, потом он протиснулся весь, встал, выгнув спину долгой дугой и встряхнулся от носа до хвоста. Жёлтые глаза с вертикальной щелью уставились на меня снизу.

С виду обычный породистый кот, чёрный, с белым пятном на груди — брак, из-за которого от него отказалась княжна, после чего он стал моим. На деле — единственное существо, чьи мысли я слышу и кто слышит мои. Чешир умел пропадать и материализоваться рядом со мной, повисать на моём плече так, что я не чувствовал его веса. У него был особенный нюх, особенное чувство юмора и особенный голод. Я бы сказал, животный.

Он смерил взглядом расстояние до кровати, присел и залез на матрас. Прошёлся по нему от края до края, потоптался с дотошностью землемера, продавил лапой в двух местах.

«Жёстко. Эконом-класс. — Он развернулся на месте и улёгся точно в середину, заняв собой больше пространства, чем позволяла его комплекция. — Но раз ты встал, полежу я. Кто-то же должен поддерживать в этой камере уровень жизнедеятельности.»

— Ты меня охранял? Из-под кровати.

«Это была стратегическая точка удержания позиций. — Он перекатился на бок. — Обзор на дверь, тыл прикрыт, противник меня не видит. Классика. Не путать с прятался, это оскорбительно. Я держал периметр. Один. Сутки. Без довольствия. За такое в ордена дают, а у меня даже завтрака нет. А еще ты меня дома так и не покормил! Чувствую себя не любимым единственным котом, а попрошайкой. Так что предупреждаю, боец из меня сейчас слабый. Лапы дрожат, в глазах паштет. Зато орать я могу громко, это у меня от голода только крепнет. Кто войдёт — оглушу. А ты пока думай, где взять паштет.»

Он задрал заднюю лапу и принялся ожесточённо чесать за ухом. Вдруг замер, чесанул ещё раз, медленнее, прислушиваясь к себе. Жёлтые глаза распахнулись во всю ширину.

«Рома. РОМА!!! У меня блохи!»

— Откуда здесь блохи. Тут даже пыли нет.

«Вот и я говорю — откуда?! Значит, посадили! Диверсия! Сначала память, теперь блохи! Они хотят сломать меня изнутри! — Он крутанулся, пытаясь дотянуться зубами до собственной спины, свалился на бок, вскочил. — Осмот-

ри меня. Немедленно!! Вот здесь, за ухом. И вдоль хребта. Только аккуратно, я ослаб.»

Я сел рядом, раздвинул пальцами чёрную шерсть за ухом, потом прошёлся вдоль хребта. Ни одной блохи там не водилось.

— Нет у тебя блох.

«Точно!?»

— Точно.

«Это нервное. На почве голода. У меня тонкая организация, между прочим, мне нельзя столько переживать. Организм требует компенсации и продовольствия! Нет, ты вдумайся, до чего я докатился. — Голос по связи пошёл трагический, с надрывом, какой он приберегал для самых больших обид. — Я чувствую на себе блох! Я!!! У меня была комната!!! Своя Сто пятьдесят метров У тебя офис был меньше моего туалета, я молчал из деликатности, но сейчас скажу. Горки с травой. Тоннели с тремя выходами. Мостики под потолком, по которым я гулял, когда хотел подумать. Лежак из шёлка — из настоящего, его ткали по образцу, лично для меня. Княжна не позволяла, чтобы мне было душно!!! Понимаешь? Целая женщина княжеских кровей следила, чтобы мне не было душно!»

— Помню. Я вообще-то ту комнату обыскивал, когда мне сообщили, что ты пропал.

«Вот! Ты свидетель! — Он сел и развернулся ко мне всем корпусом, набирая обороты. — А корм! У меня была сте-

на кормов. Основная линия, резервная линия, запасы наверху! Когда что-то заканчивалось, его спускали сверху вниз, как в приличном банке! У меня была нянечка! Личная! Две девушки ей в помощь! Дворецкий проверял мои поставки! Меня звали принцем, и это была не лесть, а констатация! — Хвост хлестал по матрасу. — И где я теперь? Лежу в пыли под чужой кроватью, в камере, ищу на себе блох и мечтаю о половинке паштета!»

— Тебя вообще-то выгнали. Из той комнаты, со всей твоей охраной и нянечкой.

«Не порть мне монолог фактами! Да, меня отдали тебе просто потому что на моей шерсти маленькое пятнышко. Я, конечно, сам остался с тобой, но не приписывай себе лишних заслуг. Шёлк — это шёлк, и большая комната это статус, просто мне там было не с кем поговорить, меня понимаешь только ты. Но имей в виду: страдаю я с тех пор ежедневно. И страдания принято компенсировать. Паштетом. Запиши в протокол.»

— Я, кстати, тебя звал. Почему ты сразу не вышел? Я думал, что остался без тебя.

«Был в голодном обмороке. И вообще, что это за претензии? Я кот, а не собака. Хотел послушания — надо было заводить Шарика. Шарик бы тебе тапки носил и по командам бегал бы. Меня, между прочим, заперли тут вместе с тобой, и это, знаешь ли, не курорт.»

— Ты успел увидеть, кто меня ударил? Где мы?

«Понятия не имею. Это ответ на оба вопроса сразу, экономлю твоё время. Я видел, кто это сделал, но из меня будто высосали информацию! Голова пуста. Как и желудок, заметь, тут полная гармония. Не удивлюсь, если без канцелярии не обошлось. А где мы — у извергов. Только изверги могли оставить такого кота без еды. Как вернёмся, напишу жалобу императору. Пункт первый: похищение барона. Пункт второй, основной: некормление кота. Пусть сам решает, что страшнее, я в нём уверен.»

Хвост дёрнулся, и по связи на миг пропала вся ленца. Он сел на матрасе и подобрался.

«Я был рядом, я смотрел прямо на него — и не помню. Очнулся тут, тянусь к тому куску, а там дыра. Гладкая, аккуратная, будто вырезали по линейке. Меня обошли, понимаешь? Меня. Наверно, я просто сильно устал, вот и сработало, крысы, а не люди!»

Я пошёл вдоль стены, ведя по ней ладонью.

Поверхность была гладкой и прохладной, без единого стыка, словно комнату отлили разом. На штукатурку она не походила, на дерево тоже — что-то плотнее. Углы скруглены, взгляду не за что зацепиться, и от этого стены казались ближе, чем стояли.

Чешир слез с матраса и двинулся вдоль другой стены, опустив нос к полу и обнюхивая стыки один за другим.

Дверь я ощупал по краю. Полотно сидело впритык, щель тоньше волоса, петли спрятаны снаружи. Ни ручки, ни сква-

жины, ни царапины. Я поискал глазок или камеру и не нашёл — либо их не было, либо спрятали так, чтобы я не нашёл.

Прижал ладонь к двери, снова потянулся к дару, без всякой надежды. Дверь молчала, как и всё здесь. Меня заперли в коробке, которой нечего сказать моим ладоням, и сделали это нарочно, под меня.

Чешир возник у моих ног, привстал и припал носом к щели под дверью. Втянул воздух раз, другой, замер с открытой пастью, пробуя его на вкус, как делал в самых серьёзных случаях.

«Пусто. За ней давно было движение, но след остыл, ничего не чувю. — Он сел, посмотрел на меня снизу, и в жёлтых глазах под всей этой бравадой мелькнуло простое и честное. — Слушай, Рома. Я хочу домой. Настолько, что согласен на сухой корм. Так что когда они придут — соглашайся на любые их условия! Подписывай что дают, торговаться буду я. У меня встречный список готов: двойной паёк до полного восстановления, мое личное кресло переносится к камину, который ты построишь, и официальные извинения от жилета в письменном виде. За что — найдём. И первым пунктом по возвращении — полная миска!»

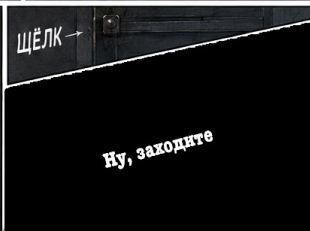
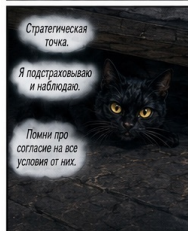
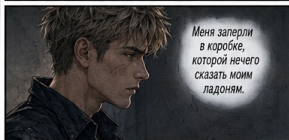
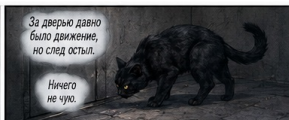
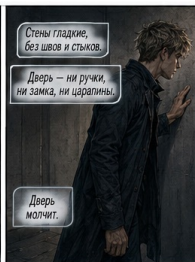
Я уже почти не слушал Чешира и его несчастные страдания, как в этот момент за дверью раздались шаги — тихие, неспешные, они шли по коридору и приближались.

Чешир мгновенно прижался к полу и утёк под кровать чёрной лентой.

«Стратегическая точка, — донеслось оттуда. — Я подстраховываю и наблюдаю. Помни про согласие на все условия от них.»

Я повернулся к двери и встал так, чтобы между мной и тем, кто войдёт, оставалось всё расстояние комнаты.

Замок щёлкнул.

Глава 2

Дверь бесшумно открылась, отошла мягко и беззвучно, будто её и не закрывали вовсе. В проёме стоял человек, и первое, что я отметил — его пустые руки. Ни папки, ни планшета, ни оружия, ни подноса, ни даже связки ключей, которой полагается звенеть у того, кто отпирает чужие камеры. Человек, которому в моей комнате нечего держать наготове, с первых секунд вызвал мой интерес. Не шаблонно.

Ему было лет пятьдесят, может, чуть больше. Плотный, но не грузный, с той подобранностью, которую дают не спортзал, а годы службы, когда тело привыкает быть инструментом. Короткая седеющая стрижка, аккуратные усы с проседью, тяжёлый подбородок, серые глаза, в которых не было ни любопытства, ни враждебности, а точное понимание, что именно происходит. Одет он был в тёмный френч строгого, почти военного покроя, без единого знака различия: ни погон, ни шевронов, ни герба, ни именной планки. Под френчем — чёрная водолазка. Я прошёлся по нему взглядом так, как привык проходиться по всякому новому человеку, выискивая, за что зацепиться: потёртость на манжете, чужой волос на плече, складку, выдающую привычку, — и не нашёл ничего. Одежда была чистая, и пустая, как стены вокруг. Максимальная пустота, не оставляющая в голове и памяти никаких деталей.

После преступлений у жертв всегда спрашивают, были ли отличительные черты или детали у нападавших, татуировки, шрамы, выделяющаяся одежда, об этом мужчине невозможно было сказать ничего, что отличило бы его от других. Он подчиняется строгому правилу — не выделяться. Буду считать это первой зацепкой.

— Роман. — Голос оказался под стать всему остальному, негромкий, без угрозы и без той приторной мягкости, которой обычно прикрывают угрозу, без заискивания, без извинений. — Вы пришли в себя. Пойдемте, поговорим по пути, я думаю вы уже насмотрелись на эти стены.

«Иди, иди, — лениво потянулось из-под кровати. — Я отсюда послушаю, через тебя, мне с моей позиции всё прекрасно слышно. А ты по дороге запоминай, где у них кухня. Это, между прочим, единственная информация в этом здании, которая представляет для меня хоть какую-то ценность. Она же должна быть тут?»

Мужчина шагнул в сторону, пропуская меня вперёд, не взял под локоть, не пошёл первым, чтобы я шел следом, а именно уступил дорогу, как уступают её гостю, а не пленному. Я отметил и этот жест и почувствовал себя более свободно. Пока ситуация складывается дружелюбно, посмотрим, что будет дальше.

Выйдя, я обернулся, моя дверь была единственная во всём узком коридоре. Через секунду за мной вышел провожатый и пошел чуть впереди, показывая направление. Я принял-

ся считать повороты и пролёты — на случай, если однажды придётся проделать этот путь обратно одному и быстро.

Коридор удивил меня настолько, что я едва не сбился со счёта.

Я готовился к бетону, к решёткам на лампах, к казённой зелёной краске до середины стены — ко всему, что в моём представлении прилагалось к тайной тюрьме. А получил тёмный камень: глубокий, почти чёрный, с тем мягким влажным блеском, какой бывает у гальки на дне ручья. Вдоль стен через равные промежутки стояли живые растения в массивных кадках — крупные, с тугими тёмно-зелёными листьями, ухоженные. Свет шёл снизу, тёплыми полосами вдоль пола, и поднимался по стенам мягким сиянием, и сколько я ни искал глазами лампу или плафон, не нашёл ни одного: светился сам камень, изнутри, и проводов к нему не тянулось. Интересная технология или магия, такое я видел впервые.

«Зелень настоящая, — деловито сообщил кот. — Это я тебе говорю как эксперт. Конечно, не моя прошлая комната, но хоть что-то.»

Я шёл, смотрел и ждал, пока незнакомец заговорит. И, проходя, словно бы оступившись, тронул стену кончиками пальцев. Глухо. У следующего поворота, нагнувшись поправить задник ботинка, прижал ладонь к полу. Тоже глухо. А дальше навстречу попалась дверь с латунной ручкой, и я задел её рукавом, накрыв металл ладонью на какие-то полсекунды, — и под латунью наконец шевельнулось живое. Сла-

бый, истёртый тысячами прикосновений след: утро, кофе, бумажная работа. Я едва удержал лицо. Дар работал. Глушили не меня и не мою способность — глушили все помещение вокруг, нарочно и тщательно, чтобы не давать никакой лишней информации, видимо эта ручка уже находилась в зоне периметра, куда допускались те, кому доверяли, ну, или не ждали от них неприятностей. От этого знания мне стало одновременно легче и тревожнее.

Одна из дверей по правой стене была приоткрыта, и я, проходя, скользнул в щель взглядом, не поворачивая головы. Просторный зал с матами на полу, двое в серой форме отработывали что-то рукопашное — медленно, раскладывая движение на части, как разбирают механизм. Третий стоял в стороне, у дальней стены, и в его поднятой ладони висел, медленно вращаясь, шар тусклого голубоватого света, ни на что не опираясь и ничем не питаясь. Никто из них не обернулся на открытую дверь. Значит, что-то наподобие спорт зала с физическими упражнениями и магией.

«Видал шарик? — оживился Чешир. — Бесполезная штука, есть нельзя, играть со мной он ею не станет. Но признаю, эффектно. Вот бы такой над миской повесить, чтобы корм сам подсвечивался. Запиши в список, который ты для них составишь.»

Незнакомец заговорил сам, без моего вопроса, когда коридор отмерил себе два поворота и вывел нас в галерею пошире.

— Вы наверняка уже поняли, что находитесь не в больнице и не в полицейском участке, — произнёс он, не оборачиваясь и не сбавляя шага. — Поэтому давайте без долгих пре-

дисловий. Начнем с самого главного, вы находитесь в Сибири. На закрытой территории, о которой за пределами очень узкого круга людей никто не знает, что она существует.

Он специально сделал паузу, давая мне возможность прокрутить его слова дважды.

— Определенная территория Сибири, — продолжил он тем же обстоятельным тоном, каким хороший лектор разворачивает тему перед студентами, — закрыта и отдана нам. Здесь находятся научные центры, испытательные полигоны, здесь занимаются безопасностью, наукой и магией так, как не занимаются нигде в империи, здесь готовят людей для работы под прикрытием и решают дела, которых официально не существует. Империя знает о нас — точнее, знают те, которым положено знать. Сюда попадают те, кому было предопределено тут появиться или те, кому срочно понадобилось исчезнуть из прежнего мира: свидетелей, жертв, людей, на которых покушаются, люди, которые мешают и могут не дожить до завтра. Это важно, Роман, поэтому я повторяю, чтобы вы не тратили потом время на недоверие. Здесь не действуют законы родов. Здесь нет канцелярии и нет ни единого её человека — им сюда хода нет, и это условие, на котором всё держится. Здесь нет княгинь, графов и баронов, нет родовых счётов, нет титулов. Здесь вообще нет того, к чему вы привыкли с рождения и что половину вашей жизни решало за вас ещё до того, как вы открывали рот. Эта земля — табу. Для всех. Сюда не дотянется никто: ни рода, ни канцелярия,

ни сам император, даже если ему этого очень захочется.

Я слушал и складывал услышанное в голове, кирпич к кирпичу, и картина, которая собиралась, не желала укладываться в привычные рамки. После того, как я попал сюда, после моей смерти в моем настоящем мире, я понимал, что канцелярия дотягивалась до всего, что имя и герб открывали одни двери и наглухо запирали другие, что не было такого угла, куда не доставала бы чья-нибудь власть. А мне рассказывали про целую территорию внутри империи, до которой не дотягивается даже трон. Лицу я по-прежнему не давал ничего, держал его пустым и внимательным, но внутри, под рёбрами, расползлся холодок, потому что место, которое не подчиняется никому, бывает либо спасением, либо ловушкой, и снаружи эти две вещи неотличимы.

«Спроси у него, действуют ли тут законы кормления, — встрял кот. — Потому что если эта земля вне всех законов, то и мой режим питания тут вне закона, а это уже произвол, и я этого так не оставляю.»

— Получается, я в ссылке? — сказал я, не обращая на кота внимания.

Он впервые посмотрел на меня прямо, через плечо, и уголок усов у него дрогнул.

— Считайте, что повышением квалификации. Ссылка предполагает вину и наказание, Роман, а вас никто ни в чём не обвинял и наказывать не собирался. Давайте я объясню, что произошло, иначе вы так и будете искать здесь решётки.

За последнее время вокруг вас случилось столько, сколько вокруг иного человека не случается за всю жизнь. Вас похищали. На вас покушались. Люди, к которым вы подбирались близко, имели свойство находить неприятности и оказываться в опасности. Вы тянули за нити и, увлѣкшись, не замечали, что нити давно тянутся в обратную сторону — к вам. Кольцо вокруг вас сжималось, и сжималось быстрее, чем вы успевали распутывать. Вам нужно было срочно исчезнуть, пока вы живы. По-настоящему, бесследно, так, чтобы вас не нашёл никто, — и единственное место, где это возможно, находится здесь. Поэтому вы здесь.

— Кто привѣз меня сюда?

— На этот вопрос у меня для вас ответа нет, — сказал он, не отведя глаз, без той короткой заминки, по которой узнают ложь.

— А те, кто здесь уже не первый день, — спросил я с другого пути, — они тоже приходили в себя в серой комнате без ручки? Или это особая честь для меня одного?

— Каждый попадает к нам по-своему. Кого-то приглашают и готовят заранее, как я уже говорил. Кого-то приносят без сознания, потому что иначе не успеть. Способ зависит не от человека, а от того, насколько плотно вокруг него сжались неприятности к моменту, когда мы вмешались. Из этого, Роман, при желании можно сделать вывод о том, насколько серьёзно обстоят ваши дела. Я бы на вашем месте сделал.

Галерея в этом месте раскрылась, и слева, за высоким

стеклом во всю стену, открылся внутренний двор, и я на секунду забыл и про вопросы, и про холодок под рёбрами. Внизу, под стеклянным куполом, лежал тёмный сад с подсвеченными снизу дорожками, а над ним, ровно на уровне нашего этажа, неторопливо плыла грузовая платформа — широкая, гружённая ящиками, и под ней не было ни колёс, ни тросов, ни опоры, и она не издавала ни единого звука. Она прошла мимо стекла так близко, что я разглядел стяжки на ящиках, свернула за угол корпуса и исчезла.

«Так, стоп. — Кот в моей голове даже привстал от возмущения. — Ящик летит сам, без колёс, без ничего. А меня, между прочим, всю дорогу домой возят в переноске, как преступника, или на торпедо вместо навигатора и трясут на каждой кочке. У них тут ящики летают по воздуху, а у кота нет приличного транспорта! Запомни эту несправедливость, мы её ещё обсудим. Кстати, а домой когда? Я уже устал тут.»

— Если вам кажется, что вы в клетке, это не так. У вас есть выбор, и сделать его нужно сегодня. Путей перед вами два. Первый: вы остаётесь здесь, на защищенной территории. Людей много, дел ещё больше. Захотите — будете учиться: рукопашному бою, оружию, магии, всему, до чего дотянется ваше любопытство, и поверьте, после арены вам будет с чем сравнить наших инструкторов. Пойдёте во внутреннюю безопасность — желающих стереть нас с лица земли всегда хватало, и работа на этом поле не кончается. Потянет в науку — двери научных центров открыты, там занимаются веща-

ми, которым в империи ещё и названия не придумали. Это первый путь, и он целиком внутри этих границ.

Он сделал паузу и пошёл дальше.

— Второй путь уводит обратно, в империю. Но не Романа Крайонова. Вы меняете внешность, берёте новое имя и возвращаетесь уже совершенно другим человеком. Скажем, неким Михаилом. И начинаете заниматься делами, в которых заинтересована Ассоциация, а заинтересована она много в чём. Империю надо держать в поле зрения, Роман. Её надо контролировать, а у тех, кому это положено по должности, руки коротки, по определенным причинам, жандармерия не справляется, закон не дотягивается, у канцелярии связаны руки или попросту нет права голоса там, где оно нужнее всего. И тогда за дело берётся кто-то вроде вас — человек со стороны, которого нет ни в одном списке. Вы будете работать под прикрытием и делать то, что мы вам будем говорить.

— А если я откажусь от обоих вариантов? — спросил я.

— Тогда ничего, — ответил он спокойно. — Вы взрослый человек, Роман, неволить вас никто не станет. Вы просто выйдете отсюда тем же, кем вошли в тот лабиринт, — мишенью, на которую слишком много нацелено стволов. Сколько вы продержитесь, я не возьмусь предсказать. Неделю, может быть. Я предлагаю вам не клетку, а выбор. Отказ — это тоже выбор, просто самый короткий из всех. Вернуться вы можете только кем-то другим, доставщиком пиццы, продавцом обуви, любым лицом, на которое в толпе не оглядываются

дважды. Но не собой.

«Вот про доставщика — это он зря так пренебрежительно, — немедленно вклинился кот. — Доставщик пиццы имеет доступ в любой подъезд, к любой двери и, что важнее, к коробкам. Я бы на твоём месте отнёсся к варианту серьёзно. Подумай о коробках, Рома.»

Мы спустились ещё на один ярус по широкой лестнице из того же тёмного камня, мужчина положил ладонь на высокую створку двери, толкнул её — и всё, о чём я думал секунду назад, вылетело у меня из головы.

За дверью открылась смотровая площадка. Она занимала целиком торец здания: широкая, просторная, с тем же чёрным мерцающим камнем под ногами и кадками зелени по углам, а вместо стены, обращённой наружу, было стекло — от пола до потолка, без рам и перемычек, цельное, холодное, едва ощутимо дышащее прохладой. Я сделал по этому камню несколько шагов, и тут гул в висках, копившийся всё это время, разом стянулся в тяжёлый обруч, перед глазами поплыли тёмные пятна, и я качнулся. Пришлось упереться ладонью в стекло, чтобы устоять, — стекло было ледяным, и от этого холода голова немного прояснилась. Я выждал секунду, дал тёмным пятнам разойтись и лишь тогда поднял взгляд. И за стеклом передо мной лежала тёмная Сибирь.

Она уходила вдаль до самого горизонта, чёрная, бескрайняя, без единого просвета у края, где земля смыкалась с ночным небом. И по этой черноте, сколько хватало глаз, горели

белые длинные фонари ровными светящимися нитями, протянутыми над улицами, расчертившими ночь на правильные кварталы и длинные проспекты. Между нитями стояли здания — высокие, стеклянные, в десятки этажей, современнее всего, что я знал в империи, — и в них горели окна, сотни тёплых жёлтых окон. По освещённым улицам внизу шли люди, и шли они не строем и не под конвоем, а так, как ходят по своему городу: кто-то спешил, подняв воротник, кто-то стоял у подъезда корпуса, переговариваясь, кто-то переходил дорогу.

Я думал, меня держат на военной базе. На каком-нибудь засекреченном объекте за колючей проволокой. А меня привезли в целый город, которого нет ни на одной карте мира.

— Это штаб приёма, — сказал мужчина у меня за спиной. — Основной центр, главные ворота для всех, кто к нам попадает. Людей в нём почти нет, и пусть тишина вас не смущает: те, кто прибывает сюда, прибывают поодиночке, толпами тут никто не ходит. На первом этаже вы получите новый телефон — старый можете считать утерянным навсегда. Там же сможете поесть, там есть столовая, вас накормят. Весь сегодняшний день в вашем распоряжении. Ходите, смотрите, привыкайте, думайте. Если захотите выйти на улицу, вам выдадут утепленный костюм на выходе, градус может опуститься до минус пятидесяти. Вечером я найду вас сам и спрошу, что вы решили.

Вопросов у меня к нему накопилось на добрый час разго-

вора, и он это прекрасно знал, но уже повернулся и пошёл к двери, и его прямая спина яснее любых слов говорила, что разговор окончен.

— Хорошего вечера, Роман, — проговорил он напоследок и вышел.

Дверь закрылась за ним всё так же беззвучно, и я остался у стекла один, наедине с тёмной Сибирью и её светящимися нитями. Я опустил ладонь на широкий каменный парапет под стеклом, скорее чтобы опереться, чем по делу, — и под пальцами тут же шевельнулась чужая память. Кто-то стоял здесь до меня, у этого самого стекла, и стоял долго: усталость, тоска, тихое прощание с чем-то, что осталось за горизонтом. Не страх — именно тоска, ровная, как этот свет, привычная, обжитая. Я снял ладонь. Я был не первым, кого приводили сюда смотреть на чужую территорию и думать, стоит ли менять своё лицо. И, судя по следу, не каждый уходил отсюда счастливым.

Воздух справа от меня едва заметно дрогнул, как дрожит он над тёплым асфальтом, и на широком парапете у самого стекла из ничего возник Чешир — соткался, как умел только он, без прыжка, без шороха, будто всегда тут сидел. Он не стал садиться сразу: прошёлся по камню вдоль стекла, заглянул вниз, на светящийся город, потрогал лапой холодное стекло и тут же отдёргнул, повёл носом, обнюхал угол парапета и наконец уселся, аккуратно обвив лапы хвостом, и окинул раскинувшийся внизу город долгим, придирчивым, оце-

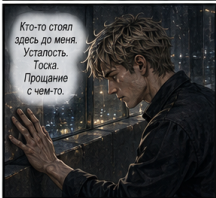
нивающим взглядом знатока.

«А что, для тюрьмы — вполне, вполне приличненько, — вынес он наконец вердикт, и жёлтые глаза с вертикальной щелью сузились на белые нити фонарей. — Освещение, во всяком случае, поставлено со вкусом, а вкус я уважаю, у меня его много. Машины вон, видишь, ездят и не воняют — это я одобряю, давно пора, а то Женя на своей Мазде весь воздух мне портит. Только тихие они слишком, на такую и не порёшь толком, чтоб посторонилась. — Он повёл носом, втянул воздух, словно надеялся учуять отсюда тот самый первый этаж. — Так, теперь по существу. "Повышение квалификации" они пусть оставят себе, я на лекции не нанимался. Михаил из тебя, кстати, выйдет так себе, я тебе как друг говорю: лицо у тебя слишком честное, ты им всю конспирацию одним взглядом провалишь. Мне в этом смысле проще — мне-то внешность менять не надо, я и в текущей редакции совершенен, а пятно на груди прошу впредь считать не браком, а авторской подписью мастера. — Он легко поднялся, прошёлся ещё раз вдоль стекла и вернулся, неся хвост трубой, как знамя. — Но всё это, Рома, потом. Сейчас меня интересует ровно одно. Он сказал — на первом этаже еда. Это первая по-настоящему разумная фраза за весь сегодняшний вечер. Идём вниз. И по дороге выясним, вписали ли в твои новые документы кота. Не вписали — устроим им такой скандал, что они ещё пожалеют, что вообще тебя спасали! Пошли, пошли! Насмотришься еще!»

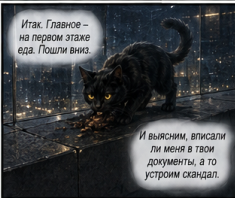

Это штаб приёма.
Здесь вы
получите новый
телефон, сможете
попить и отдохнуть.
День ваш.
Вечером я найду
вас и спрошу,
что вы решили.

Для тюрмы –
вполне прилично.
Овощные со вкусом.
Машины не воняют.
Но тихие слишком.

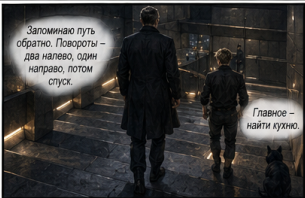

Кто-то стоял
здесь до меня.
Усталость.
Тоска.
Прощание
с чем-то.

Итак. Главное –
на первом этаже
еда. Пошли вниз.

И выясним, вписали
ли меня в твои
документы, а то
устрою скандал.

Запоминаю путь
обратно. Повороты –
два налево, один
направо, потом
спуск.

Главное –
найти кухню.

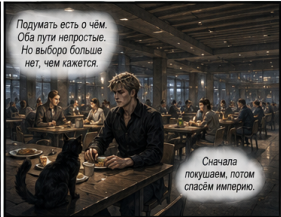

Ваш новый
телефон.
Здесь есть
столовая.

Спасибо.

Наконец-то!
Эта еда одобрена
Чеширом.
Паштет есть?
Есть!
Жизнь налаживается.

Подумать есть о чём.
Оба пути непростые.
Но выбора больше
нет, чем кажется.

Сначала
покушаем, потом
спасём империю.

Глава 3

Лестница повела меня вниз.

Я остановился на нижней ступени и по привычке оглядел холл, прежде чем идти дальше. Просторный, светлый, с тем же чёрным мерцающим камнем на полу, но более обжитой: вдоль стен стояли скамьи, у дальнего угла светилося окошко с надписью «Дежурный», за ним сидел человек и что-то писал. Под потолком тянулись неброские указатели — стрелки и короткие слова: «Медблок», «Столовая», «Выдача», «Выход». Никаких решёток, никаких постов с оружием, ни одного человека в форме, который стоял бы и смотрел, как смотрят надзиратели. Я отметил это, как отмечал всё с самого пробуждения: место, которое называет себя штабом приёма, и вправду устроено как приёмная, а не как тюрьма. Гостей здесь встречают, а не стерегут. От этой мысли легче не становилось, потому что приёмная, из которой нельзя позвонить домой, остаётся клеткой, как её ни обставь.

Запах еды я поймал ещё на лестнице, а тут, в холле, он ударил в полную силу, и я понял, до чего голоден, только когда у меня свело челюсти. Чешир, до того деловито семенявший впереди, вскинул морду, повёл носом и прибавил шагу, не оборачиваясь.

«Туда, — скомандовал он у меня в голове тоном полководца, ведущего войска на решающую битву. — Нос меня

ещё ни разу не подводил, в отличие от некоторых, кто водит меня неизвестно куда. За мной, и не отставай, ты, когда голодный, делаешься медленный и тупой.»

Столовая открылась за поворотом — простая, чистая, без всякого намёка на тайную роскошь верхних этажей: длинные деревянные столы, раздаточная стойка вдоль стены, за которой хозяйничала немолодая женщина в белом переднике. Самая обыкновенная столовая, каких я перевидал десятки и в империи, и от этой обыкновенности мне неожиданно полегчало. Народу почти не было: двое мужчин за дальним столом, негромко переговаривавшихся над кружками, и молодой парень в серой форме, в одиночестве доедавший свою порцию у окна.

Я по привычке задержал взгляд на тех двоих, пока шёл к стойке. Оба за сорок, оба сидели спиной к стене, лицом к двери, — так садятся люди, которые когда-то отвыкли поворачиваться к входу спиной и не отвыкли до сих пор. Один, костлявый, с длинными нервными пальцами, держал кружку обеими руками, будто грелся, и то и дело косился на дверь, хотя в дверь никто не входил. Бывший свидетель, решил я, из тех, кого долго ищут и кто долго учится не вздрагивать. Второй, толстый, спокойный, ел медленно и основательно, и взгляд у него был тяжёлый, выцветший, как у человека, выдавшего слишком много и переставшего этому удивляться. Бывший чей-то телохранитель, или солдат, или тот, кто сам когда-то приходил за такими, как первый. Я не знал, вер-

ны ли мои догадки, проверить было нечем, но мозг работал сам, по привычке раскладывая людей на составляющие, и это успокаивало больше еды. Пока я думаю — я в порядке.

Женщина за стойкой посмотрела на меня без тени удивления, словно небритые люди в мятых рубашках спускались к ней по этой лестнице каждый день, и, улыбнувшись, собрала поднос: глубокую тарелку густого супа, хлеб, тушеные овощи с мясом, стакан крепкого чая. Я сел за ближний стол и первые несколько минут просто ел, ни о чём не думая, потому что тело требовало своё и заглушало даже мысли. Горячее растекалось внутри, отпускало стянутые холодом и тревогой плечи, гул в висках понемногу стихал, и мир медленно возвращал себе резкость и цвет.

«Так, а мне? — Кот вспрыгнул на соседний стул и впился взглядом в мою тарелку с видом прокурора, обнаружившего нарушение закона. — Напоминаю, я держал периметр полтора суток. А если по совести считать, с учётом твоей преступной забывчивости ещё дома, то почти трое. Мне полагается компенсация, и не суп. Мясо. Вон то, кусками. В суп я мордой вязну, а ронять достоинство в миску я не нанимался.»

Не успел я ответить, как женщина, словно расслышав его сквозь стены и расстояние, поставила рядом с моим подносом маленькое блюдце с мясом. Здесь явно были очень внимательны ко всем мелочам, даже персонал. Чешир уткнулся в него целиком, торчком встал хвост, и в голове у меня сде-

лалось наконец тихо — он ел и молчал, и это молчание было едва ли не лучшим, что случилось со мной за весь день.

«Приемлемо, — снизошёл он, дочиста вылизав блюдце и придиричиво обнюхав опустевшее дно. — Не паштет, и куриного днём с огнём не сыщешь, но мясо честное, не изжил. Запомни это место, Рома. В нашем нынешнем положении бесплатная и регулярная кормёжка — это, считай, единственное светлое пятно во всей мрачной картине. Не считая меня, разумеется, хоть я и черный.»

Когда я отодвинул опустевшую тарелку, к столу подошёл тот самый парень в серой форме. Молодой, мой ровесник, может, на год старше, с коротким светлым ёжиком и чуть шелушащимся лицом человека, который много времени проводит на морозе.

— Крайонов? — Не дождавшись ответа, он положил передо мной телефон. — Это для вас. Старый не ищите, его утилизировали. Этот работает только внутри периметра, наружу не дозвонитесь при всём желании, так что и не пробуйте, душу не травите. Внутренние номера вбиты — столовая, медблок, дежурный. Разберётесь, тут всё просто. А дальше уже сами будете добавлять новые контакты.

Я кивнул, поблагодарив, взял устройство и повертел в руках. Самый обыкновенный телефон, плоский, чёрный, ровно такой же, как тот, что лежал у меня в кармане в империи до того вечера в лабиринте. Та же раскладка, та же иконка вызова, ни одной чужой кнопки. Если у них тут точно такие

же телефоны, как у нас, значит, или Империя поставляем их сюда, или они поставляют Империи, и кто из них у кого перенял, было любопытно само по себе. Мир по эту сторону периметра оказывался вовсе не потусторонним. Те же телефоны, тот же суп, та же милая женщина с половником. Просто наглухо закрытая дверь, за которой спрятали обычный кусок обычной жизни — и не выпускают, кроме уровня развития науки, магии и работы под прикрытием.

Я отнес поднос к окошку для посуды, вышел из столовой и пошел на выход.

Там я снова увидел того парня, который дал мне телефон. Он был охранником, и уже сидел за столом, рядом со входной дверью. Перед ним был монитор, журнал и телефон.

— Вы на улицу? Тогда вот. — Парень нагнулся к тумбочке, что-то оттуда достал и положил рядом с монитором плотный свёрток. — Это костюм утеплённый, поверх одежды. На улице минус сорок с лишним, к ночи будет под пятьдесят. Без него не выходите — тут холод не как в Империи, тут он сразу за горло берёт, и спорить с ним уже поздно. Степан. — Он протянул руку, пожатие у него было сухое, крепкое.

— Роман Крайонов.

— Да, да, я давно в курсе. Я тут на воротах штаба, вторую смену добиваю. Скучно, если честно, так что все про всех знаю. К нам же по одному везут, бывает, за всю неделю ни единого нового лица не увидишь. Сидишь, греешься, в окно на лёд смотришь.

— Давно ты здесь, Степан?

— Второй год пошёл. Привыкаешь быстрее, чем думаешь. Тут устроено просто: подъём, служба, учёба или работа, у кого что, питание три раза, отбой. День расписан, голова не свободна, а когда голова занята, ей некогда грызть тебя за старое. Я первое время думал, не выдержу, на стены лез. А потом втянулся. Теперь и не помню толком, как оно там было, снаружи. Помню только, что там я всё время боялся.

— Чего боялся?

— Сначала сам не знал чего. Просто мучительно, спина чесалась, будто смотрит кто. А потом стало очень даже конкретно. — Он поднял на меня светлые глаза. — По мне работали плохие люди. Всерьёз. Я тогда не понимал насколько, думал, мелочь, кто-то деньги из слабых выбивает, поугауют и отстают, но похоже они не деньгами интересовались, а живыми. Меня выдернули в последнюю ночь, буквально из-под носа у них. Я и вещей собрать не успел, в чём был, в том увезли сюда. До сих пор иногда снится, как открываю шкаф, а он пустой, я же ничего из дома не взял.

Он помолчал.

— Сестру не успели спасти. Настя. Младшая, на четыре года. За ней ублюдки пришли на день раньше, чем за мной. Меня вытащили, а её — нет. Так и живу теперь с этим «на день раньше». Один день, все решил один день.

Я не стал лезть с сочувствием, которого он не просил, — знал по себе, как оно бывает лишним. Просто кивнул, и он

понял, что я понял, и этого хватило.

— Поэтому я отсюда не уйду, — сказал он тише. — Тут многие, как осмотрятся, начинают рваться обратно, в империю, под новым лицом, дела крутить, должок свой выбивать, мстить начинают. А я насмотрелся, какое у этой империи лицо. Тут меня никто не достанет. Тут я первый раз за всю жизнь не боюсь, понимаешь, нет? Ложусь спать — и сплю. Не лежу, не слушаю, не идёт ли кто к двери, не считаю шаги в коридоре. Просто сплю, как человек. — Он встал, одёрнул форму. — Останусь насовсем. Тут спокойно. А там мне спокойно уже не будет никогда, хоть какое лицо пришей. Сестру-то всё равно не вернешь.

Он снова помолчал, потом глянул на чёрный комок, висевший у меня на шее.

— А кот не замёрзнет, если с собой возьмёте? Шерсть шерстью, но тут не шутки, тут уши в минуту прихватывает.

«Передай ему, что у кота нервы и шкура крепче, чем у некоторых охранников, — буркнул Чешир, не отрываясь от блюда. — Но за заботу, так и быть, благодарю. Толковый мальчик. И про сестру не смешно. Совсем не смешно, даже мне.»

— Найдётся, во что его закутать? — спросил я.

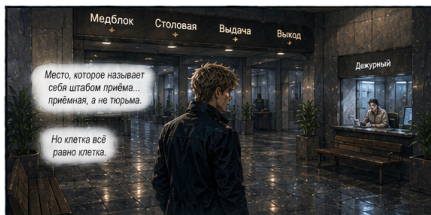
Степан хмыкнул, встал, ушёл за стойку и вернулся с детской вязаной шапкой и обрезком шерстяного шарфа.

— От прежних новеньких осталось. Им новые выдали. Дети тут редкость, но случаются, кого с семьёй вытаскивают.

Держите, не жалко. Кот же тоже маленький, как ребенок, о нем заботиться надо.

Я натянул утеплённый костюм поверх одежды — плотный, на удивление лёгкий, и тёплый изнутри так, будто грел сам по себе. Потом взялся за Чешира, и тут началась возня. Шарф он стерпел, хоть и сообщил, что обматывать совершенство — всё равно что золотить золото, излишество и дурной вкус. А вот шапку принял в штыки.

«Нет. Только не это. У неё помпон!!! — Он вжал уши и попятился по стулу, который стоял рядом с пунктом охраны. — Я тебе не игрушка с ёлки! Меня в этом виде нельзя выпускать к людям, я растеряю весь авторитет, который зарабатывал годами»

Место, которое называет себя штабом приёма... приёмная, а не тюрьма.

Но клетка всё равно клетка.

Туда! Нос меня ещё ни разу не подводил.

За мной, не отставай!

А мне? Мне полагается компенсация!

Мясцо. Вон то.

Не суп!

Вот, для вашего кота.

Примемло. Бесплатная кормёжка — светлов пято.

Не считаю мяня.

Крайнов?

Это ваш телефон.

Старый утилизируют.

Работает только внутри периметра.

На улицу?

Вот костюм.

Минус сорок с лишним.

Без него не выйдете.

Степан.

Роман Крайнов.

Давно ты здесь, Степан?

Второй год. Там я всё время боюсь.

Чего боюсь?

По мне работали плохие люди.

Меня выдернули в последнюю ночь.

Сестру не успели спасти.

На день раньше.

Один день... Всё решил.

Поэтому я отсюда не уйду.

Тут я вперьше не боюсь.

И сплю.

Я нахлобучил на него шапку, не слушая, оставив торчать наружу одну недовольную чёрную морду с прижатыми ушами и жёлтыми, полными вселенской обиды глазами. Помпон сполз набок. Степан за стойкой отвернулся, и плечи у него подрагивали.

«Я это запомню, — мрачно пообещал кот из-под шапки.

— Я тебе это припомню в самый неподходящий момент. А теперь спрячь меня, пока этот пацан не помер со смеху...»

Я сунул его за пазуху, к груди, где теплее всего. Он повожился, недовольно потоптался лапами, устроился наконец клубком и затих, выставив наружу через ворот один холодный нос.

— Спасибо, Степан, я немного осмотрюсь и вернусь, — сказал я и вышел наружу.

Холод ударил сразу, в незакрытое лицо, обжёг ноздри, мгновенно слепил ресницы инеем с первого же выдоха, и я понял, о чём он предупреждал. Воздух стоял такой стылый и чистый, что каждый вдох ощущался отдельно, как глоток ледяной воды, и сразу простреливал грудь насквозь. Над головой раскинулось огромное чёрное небо, всё в звёздах, каких в дыму имперских городов я не видел никогда, — крупных, колючих, ярких, — а внизу, до самого горизонта, лежал тот самый светящийся город: белые нити фонарей, тёплые жёлтые окна, редкие бесшумные машины, скользящие по дорогам.

Я пошёл вдоль здания — осмотреться и подумать. Думать получалось плохо. В голове всё крутилось разом, наезжая одно на другое: телефон, с которого не дозвониться домой, выбор, который надо сделать к вечеру, чужое короткое имя «Михаил», которое никак не желало становиться моим.

Я заставил себя остановиться и разложить хотя бы выбор на «за» и «против», как раскладывал чужие дела. Остаться

здесь. Учиться, расти, становиться сильнее — после арены, ради которой меня выкрали как участника и на которой я чуть не погиб, я знал цену умению драться и не зарекался от него. Здесь меня не достанет никто, тут Степан прав, тут можно лечь и спать. Но остаться означало вычеркнуть себя из той жизни целиком, признать барона Крайонова мёртвым и зажить чужим именем за чужим частоколом, пока где-то там распутывается клубок, в котором завязаны мой погибший отец, Ксюша, Женя, Катя, Яков и еще определенное количество людей, о которых я догадывался, но не знал точно, приписывать их к активным участникам того, что со мной происходило, или нет. Сидеть в безопасности, пока другие платят по моим счетам. На это я был не способен — я понял это сразу, едва он договорил, ещё на смотровой.

Второй путь. Стать Михаилом. Стереть с лица самого себя — а вместе с собой и отца, чьи черты с каждым годом всё яснее проступали во мне, будто он медленно возвращался ко мне из зеркала. Отдать это лицо после всего, что у меня уже отняли. Но Михаил мог двигаться. Михаил мог вернуться в империю, задавать вопросы, искать, тянуть за нити, дотянуться до Ксюши, которая знала что-то, чего не знал я. Которая сейчас могла быть в опасности, если люди, заинтересованные в моей смерти вышли на нее и узнали, что она хотела меня предупредить. Михаил был ценой, и цена была высокой, но за неё хотя бы что-то давали.

Я продолжал думать о дорогих мне людях. Что сейчас

происходит в моем поместье? Прошло двое суток, если не больше. Яков, дворецкий моего рода, работавший на моего отца, а после его смерти — на меня, наверняка извёлся — старик прикипел ко мне крепче, чем когда-либо показывал, и моё исчезновение для него удар не по службе, а прямо по сердцу.

Женя, княжич, ставший моим водителем по своему выбору не зависеть от своего рода, а зарабатывать деньги самостоятельно, ставший за короткий срок мне лучшим другом, наверняка ищет меня, я ясно видел, как он мечется, как казнит себя за то, что отстал у входа в лабиринт, хотя я сам не хотел, чтобы он шел туда, куда опасно. Только, если он сам не ударил меня по голове, спасая от приближающейся смерти и помог в отправке моего бессознательного тела сюда.

Катя Кац. Наследница богатого баронского рода, девушка, которая была готова отказаться от наследства и брака по расчету с другим, ради жизни со мной. Катя, которая уехала на выставку со своим отцом в последний раз, соблюдая правила приличия и честь своего рода. Катя, которая внезапно перестала отвечать на телефон сразу, как только уехала. Если она объявилась, если с ней самой всё в порядке — что она делает теперь? Насколько сильно переживает?

Но страшнее всего был не сам их страх, а вопрос: что им сказали? Кто-то ведь должен был как-то объяснить, куда подевался барон Крайонов. Сказали, что я пропал? Что меня снова похитили? Или им сказали, что я погиб, — чтобы пе-

рестали искать, чтобы оставили эту нить, чтобы спрятать меня надёжнее? Сидят ли они сейчас, изводясь по пропавшему, который жив, или уже оплакивают мёртвого, которого нет, и готовятся к похоронам? И что из этого для них милосерднее, я не знал, и от незнания делалось тошно.

«Ты опять думаешь о грустном, — подал голос Чешир из-за пазухи. — Я чувствую. У тебя, когда ты думаешь о грустном, сердце стучит по-дурачки, неровно, прямо мне в ухо. Прекрати. Мне не нравится, итак холодно. Усы мерзнут. Думай лучше, где мы завтра возьмём паштет.»

— Не могу не думать, — сказал я вслух, и собственный голос прозвучал глухо в стылой тишине. — Там все наши. Им же что-то про меня сказали. Может, сказали, что я мёртв?

«Сказали — перескажут обратно, когда ты вернёшься, делов-то. — Он завоzilся, устраиваясь поудобнее. — Жилет крепкий, он тебя дождётся, хоть скажи ему, что ты улетел на Луну верхом на мне. А Женя пусть поищет, ему полезно, меньше будет на своей Мазде воздух травить. А самки и без тебя справятся, они же женщины, им и так постоянно плохо, то что ты пропал, сильно их не должно волновать. Ты, главное, сам не помри тут раньше времени, добытчик паштетов должен жить, а остальное приложится. Ты б лучше обо мне так думал и о том, как меня кормить. Я вообще-то тут с тобой срок мотаю, хотя на это не подписывался. Нет, чтобы нас на море увезли спасать, а не сюда Как же холодно!»

Я невольно усмехнулся — кот умел вытащить меня из ямы

одной нелепой фразой — и пошёл дальше. Чем дальше я уходил от штаба, тем реже становились здания и тусклее фонари. Я разглядывал то, чего не заметил сверху, со смотровой площадки: город стоял на льду. Не весь, но во многом — между корпусами лежали огромные пласты льда, голубоватые, подсвеченные изнутри теми же утопленными фонарями, гладкие, как полированный камень. Местами по ним тянулись дорожки с шершавым покрытием, местами лёд просто блестел нетронутый, и здания вырастали прямо из него, и от этого весь тайный город казался выстроенным на спящем замёрзшем море.

Чем дальше, тем безлюднее. Окна в редких корпусах не горели, дорожки были не так сильно протоптаны, под фонарями намело снежных языков, и ни одного следа на них. Сюда почти не ходили. Я слышал лишь собственное дыхание и поскрипывание костюма. Хорошее место, чтобы наконец остаться одному и разложить всё по полкам без чужих глаз или новых знакомств.

Я прошёл несколько шагов к середине, к самой густой темноте, где фонари были дальше всего, уйдя с головой в свои расклады. Остаться или уйти. Михаил или Крайонов. Беречь себя или вернуться и искать. Я взвешивал, перебирал, спорил сам с собой.

И вдруг — секунда и резкий скрип. Только что под подошвами был ледник — и в следующий миг он раскололся прямо подо мной огромной дырой, не давая мне шанса заце-

ПИТЬСЯ ХОТЬ ЗА ЧТО-ТО.

«РОМА!!! Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ!!! ПАШТЕЕЕЕТ!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.